

pocket**book**

Харуки Мураками

Тысяча Невестьсот
Восемьдесят Четыре.

Книга 1: апрель – июнь

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
М91

Naruki Murakami

1Q84

Copyright © 2009 by Naruki Murakami

Перевод с японского *Дмитрия Коваленина*

Мураками, Харуки.

М91 1Q84. Тысяча Невестьсот Восемьдесят Четыре.
Кн. 1: Апрель—июнь / Харуки Мураками ; [пер. с яп.
Д.В. Коваленина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-699-57290-8

Роман самого знаменитого автора современной японской прозы, главная литературная сенсация нового века, «магнум-опус прославленного мастера» и «обязательное чтение для любого, кто хочет разобраться в японской культуре наших дней», по выражению критиков. Действие книги происходит не столько в тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году, сколько в тысяча невестьсот восемьдесят четвертом, в мире, где некоторые видят на небе две луны, где ключом к вечной любви служит Симфониетта Яначека, где полицейских после всколыхнувшей всю страну перестрелки с сектантами перевооружили автоматическими пистолетами взамен револьверов, где LittlePeople — Маленький Народец — выходит изо рта мертвой козы и плетет Воздушный Кокон.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Коваленин Д., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-699-57290-8

Правят Барнум и Бейли здесь,
Позолотою мир блестит,
Но если ты согласишься в меня —
Нас с тобою не провести.

It's a Barnum and Bailey world
Just as phony as it can be,
But it wouldn't be make-believe
If you believed in me.
It's Only a Paper Moon

(E. Y. Harburg and Harold Arlen)

Глава 1

АОМАМЭ

Не верь глазам своим

Радио в такси играло «Симфониетту» Яначека. Внутри машины, застрявшей в пробке, такое даже музыкой не назовешь. Да и водитель мало похож на человека, который все это внимательно слушает. Точно бывалый рыбак, пытающийся угадать, будет шторм или нет, таксист средних лет пристально следил за растянувшейся впереди цепочкой автомобилей. Вжавшись поглубже в заднее сиденье, Аомамэ с закрытыми глазами слушала музыку.

Интересно, сколько людей на свете, слушая первую часть «Симфониетты» Яначека, узнают в ней «Симфониетту» Яначека? Ответ здесь, пожалуй, колеблется где-то между «очень мало» и «почти несколько». Только Аомамэ почему-то была исключением.

Эту маленькую симфонию Яначек написал в 1926 году. А вступление на фанфарах сочинял как гимн для какого-то спортивного фестиваля. Аомамэ представила Чехословакию 1926 года. Первая мировая война завершилась, многовековая тирания Габсбургов наконец-то низвержена. Люди потягивают в тавернах пльзеньское пиво, собирают крутые реальные пулеметы и наслаждаются миром, ненадолго

воцарившимся в Центральной Европе. Два года назад трагически умер Кафка. Уже совсем скоро сюда заявится Гитлер и пожрет эту маленькую красавицу страну с потрохами. Но предвидеть надвигающийся кошмар, само собой, никому пока не дано. Может, главная мудрость, которой люди учатся у Истории, и заключается в горьком вопросе: «Кто же тогда мог знать, что все так обернется?» Слушая музыку, Аомамэ вообразила ветер, гуляющий по Богемскому плато, и вернулась к мировой истории.

В 1926 году скончался император Тайсё, началась эпоха императора Сёва¹. На Японию тоже надвигались мрачные времена. Легкомысленные интерлюдии модернизма и демократии промелькнули как сон, и фашизм уже стучал в двери, осведомляясь, где расквартироваться.

Мировая история была вторым коньком Аомамэ — сразу за спортивными новостями. Литература как таковая особого интереса не вызывала, но исторические тексты, попадавшие на глаза, Аомамэ читала запоем. Больше всего в истории ей нравилось, как факты увязываются с местами и датами произошедших событий. Запомнить какую-либо дату для нее всегда было проще простого. Сами числа зубрить смысла нет. Достаточно представить, что чему явилось причиной, какие в итоге случились последствия — и точная дата сама выскакивала перед глазами. В школе по истории Аомамэ не было равных. И когда люди

¹ Эпохи правления японских императоров: Тайсё — с 1912 по 1926 г., Сёва — с 1926 по 1989 г. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

жаловались, что не могут удерживать нужные даты в голове, она всегда удивлялась. Ну в самом деле, что тут сложного?

Аомамэ — Синий Горошек — вовсе не было прозвищем¹. Ее род по отцу происходил из префектуры Фукусима. Говорят, где-то там, в затерянной среди гор деревушке и сейчас еще оставалось несколько человек с этой странной фамилией. Хотя сама Аомамэ ни разу там не бывала. Еще до рождения дочери отец оборвал со своими родственниками всякие связи. А мать — со своими. Так что ни бабушек, ни дедов своих Аомамэ в глаза не видала и знать не знала. Путешествовать ей доводилось нечасто, но если все-таки выпадало заночевать в каком-нибудь отеле, перед сном она непременно пролистывала телефонный справочник в поисках однофамильцев. Увы! Куда бы ее ни заносило — в мегаполис или провинциальное городишко, — никого с ее фамилией не попадалось ни разу. Так постепенно она привыкла чувствовать себя человеком, заброшенным в безбрежный океан и обреченным выплывать в одиночку.

Разъяснить, как пишется ее имя, вечно требовало кучу времени. Всякий раз, когда Аомамэ называла себя, собеседник задирал брови и озадаченно глядел на нее. «Госпожа Синий Горошек?» Да-да,

¹ Аомамэ (*яп.* «синий горошек») — разновидность фасоли. Выращивается в горных районах Японии и редко появляется на столе горожан. Чаще всего используется как ингредиент для приготовления соевого творога (тофу) или ферментированной бобовой пасты (натто).

уточняла она. Так и пишете: иероглиф «Синий», потом «Горошек». И на работе, знакомясь с клиентами, постоянно ощущала себя не в своей тарелке. «Огорошенные» посетители принимали ее визитку, будто некое зловещее послание. Когда нужно было представляться по телефону, на другом конце провода часто хихикали. В больнице или в мэрии, где бы ни окликали ее громко, все вокруг поднимали головы, желая увидеть, как выглядит человек по имени Синий Горошек.

То и дело ее называли с ошибками. «Госпожа Зеленый Горошек?» — вопрошали в трубке. «Госпожа Соленый Горошек?» «Ну, почти...» — отвечала она и поправляла. Частенько слыша в ответ: «О, какая редкая фамилия!» Тридцать лет ее жизни были ухлопаны на объяснение своего имени и защиту от нелепых шуток по поводу «Синего Горошка». Родись я под другой фамилией, думала она, может, вся моя жизнь сложилась бы иначе? Скажем, живи я Танакой, Сато или Судзуки — глядишь, и сама была бы спокойней, и на мир вокруг смотрела бы куда снисходительнее? Кто знает...

Аомамэ закрыла глаза и погрузилась в музыку. Унисон духовых заполнил голову. Несмотря на приглушенную громкость, звук был глубоким и сочным. Приоткрыв глаза, Аомамэ взглянула на панель управления. Встроенная стереосистема гордо поблескивала черными гранями. Имени фирмы-изготовителя Аомамэ прочесть не смогла, но в том, что аппаратура солидная, можно не сомневаться. Туча непонятных

кнопок, зеленые циферки на экране. С первого взгляда ясно: «хай-тэк». О том, чтобы такую игрушку установили в обычном корпоративном такси, даже думать не стоит.

Аомамэ еще раз обвела взглядом салон. Садясь в машину, она думала о своем и поначалу не обратила внимания, но эта машина и правда выглядела необычно. Отделка салона — вне всяких похвал, сиденья — просто не встать. Плюс ко всему — идеальная тишина. Звукоизоляция — высший класс, снаружи не слышно ни звука. Словно в кабинке студии звукозаписи, полностью защищенной от внешнего шума. Частное такси? Многие владельцы частных такси не жалеют денег на отделку своей машины. Аомамэ искала глазами табличку с личными данными водителя, но не нашла. Однако и нелегальным такси не выглядит, как ни крути. Счетчик привинчен как полагается. Вот, уже наездили 2150 иен. Найти бы еще табличку с фамилией...

— Отличная машина, — сказала Аомамэ в спину таксисту. — Такая бесшумная. Как называется?

— «Тойота»! — охотно отозвался водитель. — «Краун», королевский салон.

— Музыка очень здорово слушается.

— Верно, тихая машина. Я, собственно, за это ее и выбрал. Все-таки звукоизоляция у «Тойоты» лучшая в мире!

Аомамэ кивнула. И устроилась на сиденье поудобнее. В речи таксиста чудилось что-то странное. Будто он собирался сказать куда больше, но недоговаривал.

Например (кроме как «например» других аргументов у нее не нашлось): «По части звукоизоляции с «Тойотой», конечно, никто не сравнится, но есть у нее проблемы, о которых я промолчу». И пауза, повисшая вслед за этим, вобрала в себя, точно губка, всю недосказанность. Крохотное облачко смысла, не выраженного словами, дрейфовало посреди салона и никак не давало успокоиться.

— Действительно, очень тихая, — повторила Аомамэ, пытаясь отследить, куда это облачко поплывет. — Да и стерео, похоже, высший класс?

— Когда машину выбирал, нужно было на чем-то остановиться, — пояснил водитель тоном ветерана, вспоминающего историческое сражение. — В итоге решил, что, если проводишь столько времени за рулем, очень важно слушать *качественные* звуки. Ну и опять же...

Аомамэ ждала продолжения. Но его не последовало. Она снова закрыла глаза и погрузилась в музыку. Что за человек был Яначека, она не знала. Но, конечно, о том, что его музыку будут слушать в «Тойоте-Краун Ройял Салон» посреди жуткой пробки на Токийском хайвэе 1984 года, он и представить себе не мог.

И все-таки, удивилась Аомамэ, откуда я помню, что это — «Симфониетта» Яначека? И почему так уверена, что ее сочинили в 1926 году? Я ведь и классикой-то особо не увлекаюсь. И Яначека специально никогда не слушала. Но как только зазвучало вступление, память вывалила целый ворох информации. Словно стая птиц ворвалась в дом через распахнутое окно.

Ничего неприятного или болезненного. Просто весь организм непостижимо реагировал на эту музыку, выдавая воспоминание за воспоминанием. Ну и дела, поражалась она. С чего бы какая-то «Симфонietta» так странно влияла на меня?

— Яначек, — произнесла Аомамэ почти машинально. Почему-то вдруг показалось, что нужно сказать это вслух.

— Простите? — не понял водитель.

— Яначек. Человек, который сочинил эту музыку.

— Не слышал.

— Чешский композитор.

— Ишь ты! — с интересом отозвался водитель.

— У вас частное такси? — спросила Аомамэ, чтобы сменить тему.

— Да, — кивнул таксист. И, помолчав немного, продолжил: — Сам свой бизнес веду. Эта машина уже вторая.

— Сиденья очень уютные.

— Спасибо! Кстати, госпожа... — Водитель на секунду обернулся. — Вы сильно торопитесь?

— У меня деловая встреча на Сибуе¹, — ответила она. — Вот и решила поехать по скоростной.

— Во сколько встреча?

— В полпятого.

— Сейчас три сорок пять... Боюсь, не успеете.

— Такая ужасная пробка?

¹ Сибуя — один из центральных районов Токио. Здесь и далее в главе упоминаются названия станций метро и, соответственно, административных районов японской столицы.

— Впереди, похоже, крупная авария. Обычно здесь так не застревают. С тех пор как вы сели, мы с места почти не сдвинулись.

Странно, что он не следит за радиосводкой дорожных ситуаций, подумала Аомамэ. Токийский хайвэй, судя по всему, парализовало. Нормальный таксист, по идее, должен отслеживать по радио, где и что происходит.

— И вы это знаете, даже не слушая радио? — уточнила она.

— Радио слушать смысла нет, — бесстрастно ответил водитель. — Половина дорожных сводок — чистое вранье. Автоинспекция сообщает только то, что удобно ей самой. Нам остается только оценивать реальную ситуацию и думать своей головой.

— То есть вы полагаете, пробка быстро не рассосется?

— Эта — надолго, — мирно кивнул таксист. — Гарантирую. Когда на кольце такой затор, пиши пропало. А что, важная встреча?

— Да, очень, — кивнула Аомамэ. — Переговоры с клиентом.

— Сочувствую. Очень жаль, но, скорее всего, не успеете.

Будто разминая затекшие плечи, таксист несколько раз покачал головой. Складки на его шее задвигались, точно у древней рептилии. Глядя на эту шею, Аомамэ вспомнила об остро заточенном инструменте у себя в сумочке. Ладони ее вспотели.

— Что же делать? — спросила она.

— Да ничего, — пожал плечами таксист. — Это же скоростная дорога. До следующего спуска никаких вариантов¹. На обочине не сойдешь, на метро не пересядешь...

— И когда следующий спуск?

— На Икэдзири. Но туда мы, боюсь, доберемся уже на закате.

На закате?! Аомамэ представила, что просидит в этом такси до заката. По-прежнему играл Яначек. Оркестр пригашивал духовые сурдинами, будто пытаюсь унять чьи-то напряженные до предела нервы. Странное наваждение от музыки не отпускало Аомамэ. Что же все это значит, черт побери?

Такси она поймала недалеко от парка Кинута. У станции Ёга машина поднялась на Третью Скоростную. Сначала ехали нормально, но сразу после Сэнтягаи вляпались в жуткую пробку и с тех пор не продвинулись ни на километр. По встречной из центра машины бежали как ни в чем не бывало. И только тех, кто стремился в центр, словно разбил затяжной паралич. Четвертый час дня, пробок на Третьей Скоростной быть не должно. Почему Аомамэ и велела таксисту подняться сюда.

— На хайвэях плата за время не берется, — произнес таксист, глянув на отражение Аомамэ в зеркале заднего вида. — Так что о деньгах можете не

¹ Токийский хайвэй проложен на высоте 35 м над обычной автодорогой. Его двустороннее полотно на бетонных опорах не имеет пешеходных обочин и с обеих сторон огорожено защитными стенами или металлическим забором.